

10.04.01.

ШКОЛА НАША — «ЗЕЛЕНЬ» ВАША

Безопасность. — 2006-10 апр. — с. 6.
Ансамбль камерной музыки Большого театра
в новых экономических реалиях

Виктория ГАНЧИКОВА

Побывала я недавно в Испании по музыкальным делам. В Барселоне привлекла внимание афиша, весьма напоминающая афишу Большого зала Консерватории времен развитого социализма. Почти все имена знакомы: Ростропович, Светланов, Башкиров, Гергиев, Спиваков, Третьяков, Башмет. И — «Ансамбль камерной музыки Большого театра».

Не «оркестр», не «Ансамбль скрипачей», а новое имя. Неужели находящийся в глубоком кризисе организм Большого способен произвести нечто творчески жизнеспособное? Программа прямо-таки уникальная. Редко звучащий шедевр Шуберта — октет F-dur (воздушные гармонии, гибкая полифония) в сочетании с малоизвестным фортепианным октетом Балакирева. А в завершении — сразу три труднейшие арии из опер Глинки и Римского-Корсакова: Людмилы, Шамаханской царицы и Царевны-Лебедя, которые не только на Западе, но и в России толком петь не умеют.

Оказалось — умеют. На следующий день ансамбль приняли в зале правительства Каталонии. Вот так мы и познакомились с ансамблистами Большого театра.

Ансамбль задумал и создал скрипач оркестра БТ Леонид Лундстрем, племянник неуязвимого джазового корифея. Младший Лундстрем закончил Московскую консерваторию по классу Леонида Когана, после армии поступил в оркестр Большого.

Его «Ансамбль камерной музыки БТ» — пример своеобразного малого бизнеса в музыке. Он успешно гастролирует во времена, когда европейцы отказываются верить заявленным на афишах «Звездам Большого» (слишком много самозванцев: Большой театр, как и Московская консерватория, до сих пор не научился защищать свой лейбл). Во времена, когда насто-

Виктория ГАНЧИКОВА

Леонид Лундстрем:
«На нашу зарплату не проживешь»

ящие артисты Большого оказываются незащищенными от эксплуатации западными антрепризами (которые даже не всегда заключают контракты) — минувшим летом оркестр БТ был приглашен в Италию для совместных выступлений с оркестром Ла Скала, и нашим заплатили в десять раз меньше, чем итальянцам. Так что успех «Ансамбля камерной музыки Большого» — скорее исключение, чем правило.

— Вас не переманивают на Запад, как «Ансамбль скрипачей», который уехал в Севилью? — вопрос Леониду Лундстрему.

— Мы хотим учить своих детей в Гнесинке или ЦМШ. Нам очень дорог Большой. Мы могли бы издать тома воспоминаний о репетициях с дирижерами. Разве можно забыть, как Светланов однажды обратился к тромбонам: «Вы тут хо-орами, хо-орами запойте!» Ребята так зазвучали! А, скажем, за несколько дней до появления в оркестре Альгиса Журайтиса некоторые любители поддать переключались на кефир.

— Давайте о нуждах низкой жизни. За десять лет театр и его артисты потеряли все привилегии...

— Театр делает что может — жилье, детский сад. Но поскольку на нашу зарплату не проживешь, многие занимаются «индивидуальной трудовой деятельностью».

— Прирабатывают в других оркестрах?

— Скрипачи и виолончелисты могут играть, пока руки не отвалятся. А духовики лимитированы тремя-четырьмя часами. Они играют легкими, что несравнимо трудней. Даже пенсию им дают, как в армии — «за выслугу». Через 25 лет. Поэтому подрабатывают другим манером: валторнист Андрей Крючков делает евроремонт квартиры. Кларнетист Сергей Власов ремонтирует автомобили. Строят дома, занимаются «извозом».

— Во всем мире музыканты свои руки страхуют!

— Нам страховать не по карману.

— Вы тоже ремонтируете и строите?

— У меня четверо детей. Воспитываешь их — и любые репетиции кажутся развлечением.

— Вашему ансамблю демографическая катастрофа явно не угрожает...

— Да, наш ансамбль «родил» двадцать одного ребенка. Половина уже учится музыке. Сын нашего гобоиста Сергея Лысенко трость гобоя попробовал на вкус раньше, чем сосу. У виолончелиста Владимира Нора пятеро детей.

— Лундстрем-старший помогал вам «раскрутиться»?

— Дядю Олега невозможно уговорить сделать «полезный» звонок. Зато он дает советы. А главное, написал для нас несколько замечательных пьес и сделал аранжировки.

— Он не смог вас увлечь джазом?

— Моя судьба — классика. Но «пружинка» в моей игре есть: я не люблю вписываться в округлые линии.

Барселона-Москва

[Handwritten mark]